

Становление педологии в России. Александр Нечаев

Е. КНЯЗЕВ,
доктор
педагогических наук,
профессор,
Московский
городской
педагогический
университет
evknyazev@gmail.com

Аннотация. В эволюции дошкольного воспитания весьма актуален вопрос о происхождении педологии (одного из направлений дошкольной педагогики) в России. Общественно-педагогическое движение в начале XX в. способствовало возникновению и эффективному развитию педологии. Особое внимание в статье уделяется личности ученого Александра Нечаева – первооткрывателя педологии в России.

Ключевые слова. Дошкольное воспитание, педология, Александр Нечаев, детский сад, Педагогическая академия Лиги образования в Петербурге.

Одним из главных принципов культуры в научном сообществе сейчас признается заинтересованность взрослых в воспитании детей, но в истории человечества веками дети и тема детства игнорировались. Только в XIX столетии стали появляться научные труды по педагогике.

Отметим некоторые вехи становления такого направления науки о ребенке, как педология (педагогическая психология).

Публицист и педагог из Швеции Э. Кей заявила в начале XX в.: «Область, в которой наше время сделало колоссальные завоевания для того века, который будет веком

ребенка, это именно и есть “детская психология”» [1]. П.Ф. Каптерев, опубликовавший труд «Педагогическая психология» (1877), тем самым ввел этот термин в научный оборот.

Во второй половине XIX в. физиолог Т.В. Преьер, занимавшийся систематическими исследованиями развития детей, издал фундаментальный труд «Душа ребенка» (1882).

Однако основателем педологического движения по праву считают ученого Г.С. Холла, организовавшего первую педологическую лабораторию в США (1882–1888). Под влиянием Холла в США появилось не-

WWW
dovosp.ru
«Дошкольное
воспитание»

сколько лабораторий, где изучались особенности развития детей.

Ученик Холла О. Крисмен предложил называть науку, аккумулирующую исследования педагогов, физиологов, педиатров, социологов, психологов развития детей на различных возрастных этапах, педологией [2].

Имя выдающегося русского ученого **Александра Петровича Нечаева (1870–1947)** связано с развитием педологии или экспериментальной педагогики. Его путь в науке оказался прямым, стремительным и ярким, однако на протяжении жизни этого ученого и его ровесников в понимании сущности науки о ребенке произошла драматическая метаморфоза. После окончания историко-филологического факультета Петербургского университета (1894) Нечаев стал приват-доцентом (1897), а затем на два года отправился на стажировку: психологию он изучал в Геттингенском университете у Г.Э. Мюллера, занимался в первой психологической лаборатории В. Вундта в Лейпциге, ставшей колыбелью нового научного направления – экспериментальной психологии. В Гейдельберге Нечаев познакомился с «отцом психиатрии» Э. Крепелиным, в Цюрихе – с основателем экспериментальной педагогики Э. Мейманом. Воодушевленный молодой ученый вернулся в Петербургский университет, где открыл кабинет психологии и начал читать уникальный курс по педагогической психологии. Нечаев не пожелал подобострастно копировать образцы иноземной педагогики: «Общий дух немецкой школы меня не окрылил. В концентрированном виде я почувал здесь настоящий источник той казенщины и формалистики, от которых задыхалась наша школа. Мне вспоминалась русская привычка ссылаться на немцев как на высший педагогический авторитет. И я понял, что пора оставить эту рабскую привычку. Пора самим поработать над изучением основ воспитания. А такой основой, по моему убеждению, могло быть только знание душевной жизни воспитанника» [9]. Один из первых его успехов – выступление с докладом об особенностях развития памяти у детей на Международном конгрессе в Париже

«Мне вспоминалась русская привычка ссылаться на немцев как на высший педагогический авторитет. И я понял, что пора оставить эту рабскую привычку».

(1900). Здесь он познакомился с лидерами экспериментальной психологии: А. Бине, П. Жане, К. Фохтом, Г. Эббингаузом. Его исследования видов памяти в школьном возрасте были опубликованы в журнале Г. Эббингауза «Zeitschrift für Psychologie» (1900. № 34), на них охотно ссылались современные ему ученые. И если известные западные специалисты в области экспериментальной педагогики поддерживали весьма перспективные исследования Нечаева, то в альма-матер (Петербургском университете) его ждал намеренно холодный прием и предвзятое отношение ретроградов к новейшей методике исследования развития детей, основанной на фактах и экспериментах.

К защите в качестве диссертации Нечаев представил свою книгу «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения» (1901) [8]. Он впервые применил новое в России групповое и персональное тестирование детей при исследовании воспроизведения по памяти. Применив новую методику, Нечаев сумел выявить семь типов памяти и установил корреляцию между возрастом ребенка и способностью к запоминанию. Философская новизна выражалась в утверждении положения о принципиальной познаваемости душевной жизни маленьких детей. Несмотря на очевидные результаты научной работы, противники защититься ему не дали. Нечаев написал аргументированный ответ на некомпетентную и несправедливую критику бывшего научно-

го руководителя. «Я думаю, что наше новое (экспериментальное) направление в исследовании педагогических вопросов не только не идет вразрез с великими заветами указанных педагогов, но даже в значительной степени ими подготовлено, так как все истинные педагоги постоянно указывали на необходимость внимательного изучения детской природы и на зло того “пустословия”, которое, по недоразумению, нередко принимают за “научные” рассуждения о воспитании» [5].

Без сожалений расстался Нечаев с атмосферой казенщины в университете и нашел место, где смог продолжить исследования по экспериментальной педагогике. Ученого пригласил на работу известный деятель образования, директор Педагогического музея военно-учебного ведомства А.Н. Макаров, хранивший заветы прославленного российского просветителя – военного министра Д.А. Милютин. Здесь ученому предоставили помещения, выделили щедрые денежные средства на приобретение приборов в Германии для создания первой в России экспериментальной психолого-педагогической лаборатории, в которой начали проводить исследования личности ребенка (1901).

На занятия в лаборатории Нечаев приглашал своих слушателей, обучавшихся на Фрёбелевских курсах искусству дошкольного воспитания. Ученый с ассистентами проводил исследования памяти у 80 дошкольников трех–девяти лет в Первом народном детском саду при Фрёбелевских курсах, в детском саду при дешевых квартирах и в детском саду Н.Л. Кошкиной (1902). Каждому ребенку показывали 12 картинок одинакового формата и колорита, вырезанных из разных журналов, по 5 секунд каждую. Через 2–3 минуты после того, как ребенок просмотрел все 12 картинок, его подводили к столу, на котором среди 36 одинаковых по формату и колориту картинок имелись 12 только что увиденных, их ребенок должен был распознать. «При выборе картинок обращалось внимание на то, чтобы при запоминании их ребенку как можно труднее было подобрать к ним соответствующие названия. Поэтому предпочте-

ние отдавалось более сложным сюжетам, причем мы старались подбирать несколько картин, сходных по своему содержанию» [8].

Первооткрыватель актуального научного направления, Нечаев активно способствовал становлению экспериментальной педагогики и детской и педагогической психологии в России. Обладавший неутомимой энергией, он сумел воодушевить экспериментальной педагогией ученых, врачей и педагогов: А.Ф. Лазурского, В.П. Вахтерова, В.А. Вагнера, А.А. Крогиуса, Г.И. Россолимо и многих других. Его научно-исследовательская и просветительская деятельность в лаборатории положила начало основанию Общества экспериментальной педагогики. Сотратники вместе проводили исследования развития личности ребенка. Выступая за необходимость синтеза экспериментальных исследований и педагогической практики, Нечаев пытался трансформировать традиционную педагогику в прикладную науку педологию. При этом ученый исповедовал антропологическую концепцию К.Д. Ушинского, призывавшего: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [10]. И совершенно закономерно, что именно Нечаев создает общество имени «учителя русских учителей», в котором постоянно растет число членов. На международной выставке «Детский мир» в Петербурге (1903) Нечаев и его лаборатория удостоились двух золотых медалей за психологическое оборудование, применявшееся для научного исследования детского поведения.

Первые шаги науки о детях в России

В «Очерках для воспитателей и учителей» А.П. Нечаев писал: «Пускай на первом плане будет у нас не мысль о борьбе против того, что есть в наших воспитанниках дурного, но мысль о помощи тому, что есть в них хорошего. Надо приложить все усилия, чтобы понять не только слабые, но и сильные стороны психики своего воспитанника. На этих сильных, нравственно здоровых сторонах ду-

шевной природы детей и надо строить воспитание» [6].

Решительно трансформировав цель, ценности, предмет, содержание, способы и методы исследований педагогики и психологии, Нечаев произвел кардинальный поворот от умозрительной схоластики прошлого к основанной на достоверных фактах новой науке о ребенке. Используя самостоятельно разработанную аппаратуру и уникальные методы исследования, ученый проводил научно организованные эксперименты в учебных заведениях различного типа, изучал проблемы познавательных способностей детей, развития их ментальности, способности к обучению.

Опираясь на основные принципы дидактики, Нечаев разработал и применил на практике особый метод обучения чтению – с помощью ассоциаций с буквами, символизирующими слова, что помогало детям в процессе угадывания слов. Такая методика побуждала ребенка обнаружить символ звука в букве, находящейся в составе слова. По признакам, существующим в их памяти, малыши находили сочетания букв, и воспроизводили сразу целое слово. Процесс обучения чтению по Нечаеву способствует развитию творческих способностей детей, обучает их умению формировать ассоциации, концентрировать внимание.

Главным фактором становления личности ребенка должен считаться личностно-ценностный подход к воспитанию, способствующий формированию в детских душах выраженного стремления к познанию [2]. Нечаев выявил нравственные принципы жизненности: совесть, интеллект, эмоциональность, что способствовало формированию аксиологической составляющей науки о ребенке. При этом он утверждал, что «чистый воздух, холодные обтирания, правильное питание, достаточное количество сна и мускульной работы – так же необходимы для воспитания чуткой совести, как и для воспитания крепкого тела» [4]. Весьма показателен факт, что совесть – доминирующий фактор в системе ценностей по Нечаеву, ибо она означает

осознание нравственного предназначения человека, которым ему следует руководствоваться в поступках. Социокультурный феномен совести способен наполнить нравственным смыслом всякое чувство, поэтому в концепции Нечаева содержание воспитательного процесса состоит в тончайшем искусстве наполнения эмоциональными переживаниями личности ребенка. Для достижения эффекта педагоги должны способствовать созданию особой гуманной атмосферы, пробуждающей глубокие процессы в душах детей. Важно отметить, что развитие интеллекта детей должно происходить одновременно с процессом воспитания нравственного чувства.

Оценивая нравственность жизненных поступков, ученый указывает на эстетический, логический, религиозный, социальный аспекты, которые могут либо гармонически сочетаться, либо противоречить друг другу. В процессе воспитания формируется способность детей испытывать целый спектр чувств: сострадание, радость, волнение, спокойствие. Нечаев считал, что гуманный настрой в педагогическом искусстве способен преодолеть досадный пережиток в воспитании детей – страх, подавляющий их способности и отвлекающий внимание. Добросердечная заинтересованность помогает детям в концентрации внимания на учебной деятельности, что порождает стойкий интерес к познанию нового: «чувство характеризует наш собственный внутренний мир, наше собственное отношение к получаемым впечатлениям» [6].

Весьма репрезентативны наблюдения исследователя, который вовсе не желает оставаться сторонним наблюдателем в жизни дошкольного образовательного учреждения. «Детский сад. Сухопарая немка, с торжественно-официальным видом, усаживает ряды пятилетних малышей и заученным тоном начинает с ними беседу о зиме. Дети скучают и односложно отвечают на шаблонные вопросы. Некоторые делают попытку шалить, но сейчас же строго призываются к порядку. Через четверть часа следует песенка про елку, потом (через 10 минут) игра в зайчика и охотника, потом (через 20 минут) – плетенье

коробочек. Из Фрёбеля взято все, кроме его завета – любить детей, как цветы...» [9].

Нечаев разработал метод единого процесса исследования интеллекта (1916), способствующий посредством использования одних и тех же объектов пробуждению в сознании ребенка ряда связанных между собой и постепенно усложняющихся душевных процессов. Этот метод позволял проводить персональное наблюдение за отдельными детьми, а также за всей группой, отслеживать волнообразный процесс манифестации способностей, что учитывалось при решении вопроса о повторном их обучении.

Педагогическая академия Лиги образования в Петербурге

Как и все последователи К.Д. Ушинского, изучавшие и понимавшие сущность процессов, происходящих в образовании, Нечаев отчетливо осознавал, что для проведения в жизнь не очередной фальшивой бюрократической манипуляции, а кардинальной реформы народного просвещения необходимо создать новую, адекватную поставленным целям, ценностям и задачам систему антропологического педагогического образования. Требуется так подготовить учителей, чтобы они овладели знанием глубокой корневой системы современной науки о ребенке, которая должна решительно отказаться от спекулятивных построений и заняться экспериментальным исследованием проблем развития личности ребенка. Основав первые Педологические курсы в Петербурге (1904), Нечаев полагал, что плодотворное развитие науки о ребенке способно в корне изменить систему народного просвещения. Ученый становится одним из самых активных организаторов уникального высшего учебного заведения – Педагогической академии Лиги образования в Петербурге (1907), куда принимали выпускников высших учебных заведений, избравших педагогическое поприще. Академия была задумана как аспирантура или институт усовершенствования педагогов, где за два года осуществлялась последипломная про-

фессиональная подготовка по актуальным педагогическим направлениям. В состав Совета Академии вошли выдающиеся ученые: И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.И. Вернадский, И.М. Гревс, Н.И. Кареев, А.Ф. Лазурский и др. Секретарем был избран А.П. Нечаев [2].

Деятельность Академии заключалась в раскрытии перед слушателями широкого спектра науки о ребенке, ориентировании на познание возрастных, персональных особенностей детей, особое исследование их душевного развития, не сводя занятия к натаскиванию на знание предмета и овладение дидактикой. При Академии планировали открыть три типа базовых образовательных учреждений для проведения непрерывной педагогической практики: детский сад, среднюю и высшую школу. Однако этому начинанию оказывало отчаянное сопротивление Министерство народного «затмения». Открыли базовое коммерческое училище для педагогической практики слушателей, причем разрешение на открытие получили только в Министерстве торговли и промышленности [2].

С 1908 г. под редакцией А.П. Нечаева и Н.Е. Румянцева стал выходить «Ежегодник экспериментальной педагогики», ставший рупором новейших исследований. Нечаев был одним из инициаторов открытия Общества экспериментальной педагогики (1909–1917), созданного для консолидации ученых, избравших науку о ребенке предметом своих исследований. Руководство Академии выступило с инициативой проведения Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии (1906), посвященного вопросам необходимости реформирования системы образования. Председателем съезда был избран А.Н. Макаров, в президиум вошли В.М. Бехтерев, П.Ф. Каптерев, А.П. Нечаев. Реформаторы мечтали, чтобы «воспитанник, окончив учебное заведение, мог с наибольшей полнотой развернуть и приложить к деятельности все свои силы, чтобы он испытывал полноту жизни, то есть был бы счастлив. Освободим же школу от мертвящих цепей педагогических приемов, не основанных на точном знании детской природы... Только педагог,

глубоко понимающий психические запросы учащихся, будет в силах сбросить с себя цепи старых предрассудков и вредных традиций. Только сила истинного педагогического образования создаст свободную школу – колыбель свободного народа» – утверждал А.П. Нечаев [3].

Ученый и его многочисленные соратники формировали полноценное научное направление. Исследователь занимался организацией и проведением важнейших мероприятий по экспериментальной педагогике, представлял результаты работы на европейских научных съездах. Стараниями Нечаева в России в начале XX в. состоялись два съезда по педагогической психологии и четыре – по экспериментальной педагогике, что явилось стимулом для дальнейшего развития исследований о детях, реально изменявших ситуацию в системе народного просвещения.

Научное наследие Нечаева объемно, он автор книг: «Лекции по психологии», «Методические указания для учителей средних учебных заведений», «Курс педагогической психологии для народных учителей», «Учебник психологии» (пять изданий), «Очерк психологии для воспитателей и учителей» (пять изданий), «Как преподавать психологию?», «Душевная жизнь детей. Очерки по педагогической психологии» (совместно с А.Ф. Лазурским) и др. Под его редакцией вышли: К. Грос «Душевная жизнь ребенка», «Книжки педагогической психологии» (14 выпусков), «Педагогическая академия в очерках и монографиях» (15 томов); «Ежегодник экспериментальной педагогики» (1908–1916); «Педагогическая психология» (кн. 1–5, 8–9, 11. СПб, 1905–1910).

Имя Нечаева как первопроходца педологии было хорошо известно как в России, так и за ее пределами, многие научные организации Европы и США включили его в число своих членов. Статьи ученого постоянно публиковались во многих солидных научных изданиях, Нечаев самым действенным образом пропагандировал в России науку о ребенке.

(Окончание следует.)

Источники

1. Кей Э. Век ребенка. М.: Д.П. Ефимов, 1905.
2. Князев Е.А. История педагогики и образования: Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016.
3. Нечаев А.П. К вопросу о реформе нашей школы // Педагогический сборник. 1906. № 7.
4. Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей. Пг, М., 1916.
5. Нечаев А.П. Ответ г. проф. А.И. Введенскому. СПб, 1902.
6. Нечаев А.П. Очерки психологии для воспитателей и учителей. 4-е изд. СПб, 1911.
7. Нечаев А.П. Память человека и ее воспитание: психофизиологический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1929.
8. Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. 3-е изд. Пг, 1917.
9. Романов А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики. М.: Изд-во РОУ, 1996.
10. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Собр. соч. в 8 т. М., Л.: Изд-во АПН, 1950. Т. 1.

Alexander Nechaev and formation of experimental pedagogy in Russia

E. KNYAZEV

Annotation. In the evolution of pre-school education is highly relevant question of the origin of the experimental pedagogy in Russia. Socio-pedagogical movement in the early twentieth century and contributed to the effective development of experimental pedagogy- special areas of preschool pedagogy. Particular attention is paid to the individual scientist Alexander Nechaev – discoverer of experimental pedagogy in Russia.

Keywords. Pre-school education, experimental pedagogy, Alexander Nechaev, a kindergarten, the Pedagogical academy of Education league in St. Petersburg.

Становление педологии в России. Александр Нечаев

Окончание. Начало см.: Дошкольное воспитание. 2017. № 3.

Е. КНЯЗЕВ,
доктор
педагогических наук,
профессор,
Московский
городской
педагогический
университет
evknyazev@gmail.com

Я не знаю власти более могучей и силы более крепкой, чем власть и сила правильно поставленного воспитания.

А. Нечаев

В авангарде

В начале XX в. экспериментальная педагогика в России оказалась в авангарде европейских достижений, отчего у многих отечественных ученых возникло и укрепилось стойкое ощущение поступательного развития этой науки. Как и многие ученые демократических убеждений, Александр Петрович Нечаев не покинул Родину и продолжил свои исследования. В мае 1917 г. на экстренном съезде Общества экспериментальной педагогики под председательством Нечаева были подняты проблемы педологии. В резолюциях съезда одним из важнейших был назван вопрос обязательного изучения будущими учителями и педиатрами психологии, физиологии, психопатологии, гигиены, истории педагогики, школоведения, методов экспериментального исследования детской природы. В частности, говорилось о необходимости установления в системе воспитания пра-

вильных взаимоотношений между детьми и развитие у них гражданского долга, взаимного уважения и правильного усвоения основ гражданской свободы. В самый разгар Гражданской войны Нечаев был назначен на пост ректора Самарского университета (1918).

Расцвет эпохи революционного модернизма в гуманитарных науках в период с 1917 по 1929 г. во многом объясняется тем, что в течение этих 12 лет во главе Наркомпроса находился сторонник смелых педагогических экспериментов А.В. Луначарский. Общий подход руководства Наркомпроса к изучению детей основывался на педологии, при этом все педагоги, педиатры и физиологи, работавшие в этом направлении, именовались специалистами-педологами. Полагалось, что педология строится на основе диалектического материализма и исследует развитие феномена нового «социалистического человека». В процессе воспитания власть активно апеллировала к науке о ребенке, что обусловило заметный рост численности педологов – педологические институты стали открываться в разных городах страны. В Москве созданы Центральный педологический институт, Медико-педологический

WWW
dovosp.ru
«Дошкольное
воспитание»

институт, Педологический институт при Государственном научном институте охраны материнства и детства, Психолого-педологическое отделение 2-го МГУ [8]. В столице по инициативе Российского психоаналитического общества функционировал экспериментальный «Дом ребенка», где работали В. Шмидт, С. Шпильрейн и другие ученые. В 1920-е годы педология в РСФСР была представлена целым созвездием имен: П.П. Блонский, М.Я. Басов, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, А.П. Нечаев и др.

Верный своим научным убеждениям, Нечаев продолжил самостоятельные исследования проблем экспериментальной педагогики, в частности обучения детей грамоте. Он написал особенно актуальное в 1920–1930-е годы руководство по экспериментально-психологическому исследованию детей дошкольного и школьного возраста. Принимая участие в кампании по ликвидации неграмотности, Нечаев предложил весьма эффективный метод обучения чтению, одобренный в Наркомпросе РСФСР. Он стал директором Психоневрологического института в Москве (1922), сотрудничал с Педологическим институтом, с Институтом дефективного ребенка и возглавил Московское общество экспериментальной психологии (1922).

На II Всероссийском съезде по психоневрологии (1924) Нечаев предложил лозунг: «Ни идеализма, ни материализма», что знаменовало отказ от использования философского базиса в науке о человеке. Политизированные делегаты съезда отвергли позицию основателя отечественной экспериментальной педагогики – возобладало материалистическое направление, представленное рефлексологией В.М. Бехтерева и реактологией К.Н. Корнилова.

Нечаев утверждал, что игры и занятия в детском саду оказывают большое влияние на количество и качество представлений детей о реальности. Дошкольники, которых воспитывали дома, на вопрос «знаешь ли ты?» давали в среднем меньше ответов по сравнению с детьми, посещавшими детский сад. Детсадовские дети давали более полные ответы,

умели выделять цвет и величину предметов. У них часто отмечались способности к проведению сравнения предметов, а также к определению слуховых и двигательных ощущений, связанных с предметами. Организованные работниками дошкольных организаций совместные экскурсии, походы, прогулки оказывали значительное влияние на формирование представлений детей об окружающем мире, ибо среда оказывает решающее влияние на реальные представления ребенка. При этом Нечаев сделал интересное наблюдение: занятия в детском саду оказывают большее влияние на мальчиков, чем на девочек. «Требование “свободного воспитания” есть прежде всего требование устранить из воспитания все то, что мешает образованию стойкой личности. Это требование, бесспорно, правильно, хотя в смысле руководящего начала недостаточно. В нем нет положительных указаний на те цели и средства, которые необходимо иметь в виду при воспитании человека» [6]. Нечаев утверждал, что требование предоставить детям возможность не только самим выбирать себе учителей, но и определять содержание и методы процесса познания связано с рядом психологических недоразумений. «Определяя высшую цель воспитания, мы должны иметь в виду не просто личность, а личность нравственно ценную. Наивно думать, что такая нравственно ценная личность выработается, если не мешать “свободному” развитию» [там же].

Нечаев публикует книги: «Психологический метод обучения чтению» (1923), «Табак и его влияние на умственную деятельность взрослых и детей» (1925), «Память человека и ее воспитание: психофизиологический очерк» (1929), «Сила воли и средства ее воспитания» (1929), «Характер человека» (1929), «Психология физической культуры» (1930).

Педология в СССР: начало

При существенном содействии властей педологию трансформировали в новую дисциплину, дабы подчеркнуть ее преимущество перед «устаревшей» педагогикой. Если

Книги А. Нечаева, вышедшие в 1928–30 гг.

П.П. Блонский называл педологию наукой об «особенностях детского возраста», то М.Я. Басов полагал, что это наука «о факторах, закономерностях и типах социально-биологического развития ребенка». Басов видел предназначение педологии в аккумулировании результатов отдельных наук, исследующих развитие ребенка: физиологии, педиатрии, педагогики и др. В педвузах педологию стали активно преподавать, появились учебники, например, П.П. Блонского «Педология» (1925) и М.Я. Басова «Общие основы педологии» (1928). П.П. Блонский в «Педологии» произвел попытку оформления педологии как самостоятельной научной дисциплины, которую автор активно пропагандировал [3].

Участники педологического совещания при Наркомпросе (1927) дискутировали о роли биологического и социального факторов в развитии ребенка; о ведущей роли коллективного воспитания в формировании личности; о методике тестирования при изучении ребенка и др. Однако вместо изучения личности ребенка часто выдвигалась задача исследования окружающей его среды. Наибольшие споры вызвала изучаемая педологией проблема взаимосвязи социальной среды и наследственности.

Во время работы I Всероссийского съезда по психоневрологии (1923) на секции по пе-

дологии психиатр, специалист по половому воспитанию А.Б. Залкинд призвал создать советскую педологию, превратив ее в социальную науку. Лидер социогенного направления в педологии, Залкинд пропагандировал приоритет среды в развитии ребенка и предлагал заменить педагогику «социогогикой». А.Б. Залкинд писал: «Ребенок – это не маленький взрослый, не “взрослый маленький роста”, которому надо будто бы давать лишь “уменьшенные” порции тех же влияний, что и взрослому. Ребенок не только количественно, но и качественно отличается от взрослого, и в той же степени отличается и система педагогического влияния в детстве... Педология и является наукой, исследующей закономерности в развитии своеобразия каждого возраста, вскрывающей качественные особенности каждого возраста... Педология изучает ребенка в его полном, целостном содержании, во взаимной связанности всех процессов его развития. Педология изучает развитие ребенка в условиях конкретной среды и в первую очередь сосредоточивает свое внимание на качественных изменениях в деятельности ребенка на каждом этапе его роста. В деятельности ребенка выражены все процессы его развития в их взаимной связанности и обусловленности» [1]. «Педология должна была внятно, не-

двусмысленно ответить, годится ли, с педологической точки зрения, новая социалистическая среда для создания нового массового человека» [там же].

В работе I Всесоюзного педологического съезда (28 декабря 1927 г. – 4 января 1928 г.) приняли участие более 2 тыс. делегатов, в президиум избрали И.П. Павлова, Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского, Н.К. Крупскую, Н.А. Семашко [2]. На семи секциях было представлено около 350 докладов, однако автору статьи не удалось обнаружить не только пленарный доклад основателя экспериментальной педагогики А.П. Нечаева, но и его доклад на секции. В приветственном слове нарком А.В. Луначарский призвал к компромиссу, т.е. к ускорению процесса объединения педагогики и педологии: «Чем сильнее будет смычка между педологией и педагогикой, чем скорее педология будет допущена к педагогической работе, к соприкосновению с педагогическим процессом, тем скорее она будет расти... Помимо насыщения нашей школы педологами, надо еще, чтобы в каждом учителе, в мозгу каждого учителя жил, может быть, маленький, но достаточно крепкий педолог. И еще одно – ввести педологию как один из основных предметов при подготовке педагога, и ввести серьезно, чтобы преподавал человек, который знает педологию» [5]. Н.К. Крупская отмечала: «...уже то немногое, сделанное педологией в деле разработки методов обучения и образования, показывает, какие тут имеются громадные перспективы, как значительно можно при применении педологического подхода облегчить учебу, как многого можно достигнуть в воспитательном отношении» [3]. Сообщество советских педологов возглавил А.Б. Залкинд.

Эпоха революционных романтиков победно маршировала, порожденный Октябрем процесс строительства нового общества активно развивался. В связи с обсуждением вопроса о вновь создаваемых социалистических городах (1928–1929) возникла необычная «педагогическая» проблема: одной из причин сохранения устаревших форм быта признали

«индивидуальное воспитание маленьких детей отдельно в каждой семье». Идеологи светлого будущего домашнее воспитание квалифицировали как зло для детей, подвергающихся воздействию родителей, при этом неправильно воспитывающих, так и зло для родителей, в особенности для матерей, принужденных отдавать этому делу очень много времени и сил и лишенных вследствие этого возможности заниматься трудом или общественной работой. «Через 15 лет организация домов ребенка, яслей, детских садов и пр., а в значительной части также и полное обобществление воспитания должны быть поставлены в таких широких размерах, чтобы на дневное время полностью освободить всех женщин от заботы о детях...» [9].

Крутой перелом

В 1929 г. после увольнения А.В. Луначарского руководство Наркомпроса резко меняет процесс управления системой образования и науки. Смена руководства означала завершение эпохи модернистских экспериментов, что ознаменовалось повсеместным переходом к бюрократической авторитарности. В обучении и воспитании утвердился консерватизм. В Психоневрологическом институте «внезапно» оказалось утрачено педологическое направление исследований, Нечаева оттесняют на периферию науки и образования, он занимается разработкой проблем, весьма далеких от науки о ребенке. По ложному доносу ученого арестовали (1935), ему вменяли в вину обучение в Западной Европе, международные контакты; шельмованию подвергли работу всей его лаборатории. Нечаеву инкриминировали «мелкобуржуазный характер деятельности», «чуждую классовую установку» и научные эксперименты и обследования, якобы противоречащие марксистско-ленинскому учению. Его осудили на пять лет ссылки и этапировали в Казахстан. По мнению В.П. Зинченко, педологов погубила их аксиология. «Интеллект занимал в ней одно из ведущих мест. Они ценили прежде всего труд, совесть, ум, инициативу, благородство».

В 1930-е годы производилось уничтожение «факультетов ненужных вещей» гуманитарного знания, и педология оказалась первой в ряду репрессированных наук: генетики, социологии, психоанализа, кибернетики и т.д. Тоталитарную власть в принципе не устраивали экспериментальные исследования личности, ибо результаты изучения заранее оставались неизвестны. Власть отказалась от точных оценок развития личности ребенка, чтобы заменить исследования жесткой сегрегацией по классовому, социальному и идеологическому принципу. Конечной целью являлось фактическое уничтожение личностно-ценностного подхода и нивелировка личности в образовании. Официальное психолого-педагогическое учение было переведено с экспериментальной базы на метафизическую основу социологизирования в жестких рамках идеологии в официальной ее трактовке. По этой причине ЦК ВКП(б) не стал искать сложных путей и поспешил объявить психодиагностику и педологию лженауками, а их представителей – чуждыми буржуазными элементами.

Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. ликвидирует педологию, ибо она «базируется на ложнонаучных, антимарксистских положениях» [10]. Беда педологии заключалась в том, что она хотела быть точной наукой, изучающей ребенка с помощью анкет и тестов. До тех пор пока официальная идеология исходила из того, что бытие определяет сознание, педология была полезна, ибо доказывала, что плохие условия, плохая среда влияют на ребенка отрицательно, задерживают его развитие. ВКП(б) в 1936 г. провозгласила, что социализм построен, а исследования педологов показывали, что дети продолжают жить в плохих условиях. Когда педолог, обследовав чувашских детей, пришел к выводу, что они плохо учатся из-за плохих условий жизни, журнал «Педология», впоследствии ликвидированный вместе с наукой и педологами, немедленно откликнулся: какие это плохие условия обнаружил

исследователь? Условия, созданные Советским государством и коммунистической партией?

В постановлении о педологических извращениях (1936) появились беспощадные характеристики: «... практика педологов, протекавшая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т.п., давно осужденных партией». Эти «научные “обследования”... имели своей целью доказать якобы с “научной” “биосоциальной” точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива» [10].

Ребенку шести–семи лет задавались казуистические вопросы, после чего определялся его так называемый «педологический» возраст и степень умственной одаренности. Все это вело к тому, что все большее и большее количество детей зачислялось в категории умственно отсталых, дефективных и «трудных». На основании отнесения подвергшихся педологическому «изучению» школьников к одной из указанных категорий педологи определяли подлежащих удалению из нормальной школы детей в «специальные» школы и классы для детей «трудных», умственно отсталых, психоневротиков и т.д. ЦК ВКП(б) установил, что «в результате вредной деятельности педологов комплектование “специальных” школ производилось в широком и все увеличивающемся масштабе. Вопреки прямому указанию ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании двух–трех школ для дефективных и дезорганизующих учебу школьников Наркомпросом РСФСР было создано большое количество “специальных” школ различных наименований, где громадное

большинство учащихся представляет вполне нормальных детей, подлежащих обратному переводу в нормальные школы. В этих школах, наряду с дефективными детьми, обучаются талантливые и одаренные дети, огульно отнесенные педологами на основании ложно-научных теорий к категории “трудных”» [10]. Что же касается постановки дела в этих «специальных» школах, то ЦК ВКП(б) признал положение с учебной и воспитательной работой в них совершенно нетерпимым, граничащим с преступной безответственностью. «“Специальные” школы являются по существу безнадзорными, постановка учебной работы, учебного режима и воспитания в этих школах отданы в руки наименее квалифицированных воспитателей и педагогов. Никакой серьезной исправительной работы в этих школах не организовано. В результате большое количество ребят, которые в условиях нормальной школы легко поддаются исправлению и становятся активными, добросовестными и дисциплинированными школьниками, – в условиях “специальной” школы приобретают дурные навыки и наклонности и становятся все более трудноисправимыми» [10].

В 1936 г. с обличением педологии выступила Н.К. Крупская: «Дошкольное воспитание было той областью, где педология пустила особо глубокие корни и где особенно остро сказался отрыв от коренных и жизненных задач воспитания подрастающего поколения... В этом деле приходилось прокладывать новые пути, кадры работников дошкольного дела были еще мало подготовлены, мало было у них еще опыта, создавались они в период перестройки всего воспитания подрастающего поколения в духе коммунизма, а в чем заключалось это воспитание, у многих из педагогов-дошкольников было весьма смутное представление. Вот почему так слабо было их сопротивление педологическим извращениям и так легко смогли “захватить власть” педологи» [4].

Крупская писала: «В борьбе с экспериментальной педагогикой, носившей архибуржуазный характер, доказывавшей, что

наиболее одаренные дети – это дети господствующих классов, а дети трудящихся – дети, стоящие по способностям, по одаренности гораздо ниже, у нас начались перегибы влево, игнорировавшие возрастные особенности ребят». Крупская приводила анкету, по которой проводили опрос в детских садах Ленинграда. Шести-семилетних детей спрашивали: «1. Что мы строим? 2. Кто строит? 3. Какой у нас план? 4. Торопимся ли мы строить? Почему? 5. Кто такие ударники? 6. А у колхозников есть ударники? 7. Кулак и буржуй могут быть ударниками? 8. Что такое соцсоревнование? 9. Кто нам мешает строить?». Дети детсада фабрики им. Халтурина на вопрос «Какой у нас план?» будто бы отвечали: «План промфинплана», «План “пяtilетка в 4 года”», «План ударный (пяtilетки) в 4 года». В руководстве «Метод целевых заданий в советском детском саду» занятия планировались по так называемым организующим моментам, а возрастные возможности детей совершенно не учитывались. Фактически производилось «легкомысленное методическое прожектерство, насаждение в массовом масштабе методов, предвзвительно на практике не проверенных». Крупская писала: «Живой ребенок с его жизненными интересами исчезает из поля зрения педагога-дошкольника, перестает интересоваться его – все дети стригутся под одну гребенку. Муштра, неразрывно связанная с бюрократизмом, ворвалась в детский сад» [4].

Омертвленный детский сад толкнул педологов на дальнейший ложный путь, на разработку методами экспериментальной педагогики вопроса о наследственности, на которую якобы нельзя никак повлиять, которая представляет нечто роковое. Этот путь привел их к делению детей на одаренных и не способных к развитию, послушных и трудно воспитуемых, о чем говорилось в постановлении о педологии.

Крупская внесла изменения в концепцию: дошкольные учреждения должны быть тесно связаны с семьей, общественное воспитание – с семейным. Семья у нас не отмирает, наоборот, она крепнет, перестает быть

чем-то замкнутым, оторванным от общест-венности, становится семьей социалисти-ческой. В первые годы существования Со-ветской власти, когда в быту еще царили пережитки старых взглядов, некоторые педагоги думали, что надо как можно шире развивать всякие закрытые детские учреждения, дет-дома, детские колонии и пр. [4].

В Семипалатинске ссыльный профессор Нечаев работал консультантом детской ам-булатории и санатория для нервных детей, ме-тодистом и директором Дома санитарного просвещения, заведовал кафедрой педагогики пединститута (1944), планировал экспери-ментальные работы по теме «Психофизио-логические особенности казахских детей до-школьного возраста в связи с общим куль-турным уровнем их семейств». Нечаев сумел завершить труд всей своей жизни «Система психофизиологических синдромов» (1940), который изменял основы принятой класси-фикации психических явлений. Д.Н. Узнадзе отмечал, что «никто еще не давал такого об-ширного и многостороннего эксперимен-тального (и не только) материала по про-блеме, в разрешении которой так суще-ственно заинтересована наша советская психология» [8]. Директор Московского ин-ститута психологии К.Н. Корнилов дал за-ключение: «Считаю возможным представле-ние этого труда в качестве диссертации на со-искание ученой степени доктора педагогиче-ских наук по психологии». А.П. Нечаев был утвержден ВАК СССР в степени доктора пе-дагогических наук (1944).

Александр Петрович Нечаев умер и по-хоронен в Семипалатинске в 1948 г. Память о выдающемся русском ученом свято хранят все, кто посвятил себя служению науке о де-тях.

Источники

1. Залкинд А. Б. Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929.
2. Князев Е.А. История педагогики и образова-ния: Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016.

3. Крупская Н.К. Из речей на I педологическом съезде // На путях к новой школе. 1928. № 1.
4. Крупская Н.К. Об извращениях в дошкольном деле / Педагогические сочинения. Т. 6: Дошколь-ное воспитание. Вопросы семейного воспитания и быта. М.: Изд-во АПН, 1959.
5. Луначарский А.В. // Материалы I Всесоюзно-го педологического съезда. М., 1928.
6. Нечаев А.П. Курс педагогической психологии для народных учителей. Пг, 1915.
7. Нечаев А.П. Психология и школа // Избр. пси-хологические труды. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997.
8. Романов А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспе-риментальной педагогики. М.: Изд-во РОУ, 1996.
9. Сабсович Л.М. Города будущего и организа-ция социалистического быта. М., 1929.
10. О педологических извращениях в системе наркомпросов: Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. // Сб. приказов и распоряжений по Наркомпросу РСФСР. М., 1936.

Alexander Nechaev and formation of experimental pedagogy in Russia

E. KNYAZEV

Annotation. The problem of formation and development in Russia pedology relevant in the evolution of pre-school education. Socio-cultural space at the beginning of the twentieth century and contributed to the effective development of pedology – special psychological and pedagogical direction of science. Particular attention is paid to the individual scientist Alexander Nechaev – discoverer of pedology in Rus- sia.

Keywords. Pre-school education, pedology (child- ren study), Alexander Nechaev, a kindergarten, the Pedagogical academy of education league in St. Pe- tersburg.

